

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Петухов А., свящ.

УЧЕННЫЕ ТРУДЫ
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО
МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Электронное издание

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Духовно-просветительский
центр «Иліотропіонъ»
<http://andreyblag.ru>

Москва, 2014

Священник
Алексей Петухов

Ученые труды митрополита Московского Макария (Булгакова) и их значение для Православной Церкви.

Введение.

*Митр. Макарий (Булгаков)
1816 - 1882*

Эпоха митрополита Макария (Булгакова) (1816-1882) дала целый ряд архипастырей и пастырей, которые наряду со святостью жизни просияли как выдающиеся церковные администраторы и ученые. Достаточно упомянуть некоторых, самых известных: святитель Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический (1800-1857)¹, святитель Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский и Нежинский (1805-1866)², святитель Феофан Затворник (1815-1894), протоиерей Александр Горский (1812-1875). С каждым из них, равно как и со своим знаменитым предшественником по Московской кафедре, святителем Филаретом Московским (1782-1867), митрополит Макарий был связан тем или иным образом. Святитель Филарет Московский был строгим и взыскательным цензором его исследований, назидал его после монашеского пострига³; святитель Иннокентий – ректором и преподавателем Киевской Духовной Академии в годы обучения в ней митрополита Макария, покровителем и ценителем его научных трудов; святитель Феофан Затворник – его сокурсником по Киевской Духовной Академии, товарищем по монашескому постригу, ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии и преемником по Табмовской кафедре. Со святителем

¹ Причтен к лику местночтимых святых Одесской епархии Украинской Православной Церкви в 1997 году.

² Причтен к лику местночтимых святых Черниговской епархии Украинской Православной Церкви 14 апреля 2009 г.

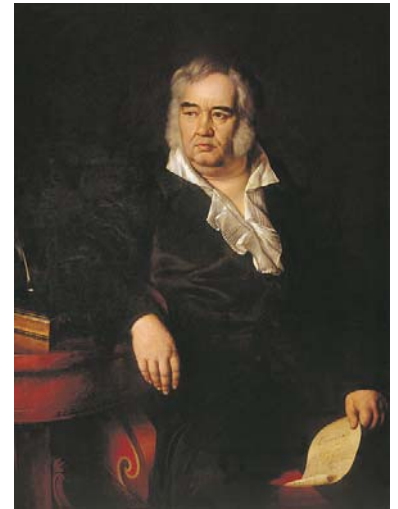
³ Святитель Филарет говорил новопостриженным инокам: «Храните больше всего чистоту души и тела: это должно быть вашим главным отличием от прочих людей; если сохраните вашу чистоту, Господь Иисус Христос вселится в вашем сердце, и тогда вам больше ничего не нужно, ничто не повредит вам, ничто не обременит вас. Для сего будьте трезвы, воздерживайтесь не только от хмельных напитков, но и от многоядения, во всем наблюдайте умеренность. Предайте себя в волю Божию, совершенно предайте. Не думайте о возвышениях, не позволяйте мечтам входить в голову; не оскорбляйтесь, если возвышают человека, по вашему мнению, недостойного. Будьте там, где поставят; будьте довольны тем, что дадут. Верьте, что доброго монаха Бог никогда не оставит: это невозможно, невозможно! Молитесь как можно чаще, всегда молитесь, если можно, имейте Господа Бога в сердце и на устах, и – Он будет с Вами всегда». Оглобин, свящ. Бакалавр Киевской Духовной Академии иеромонах Михаил Монастырев. Киев, 1861, с. 26-27

Филаретом (Гумилевским) митрополит Макарий обменивался литературными замечаниями, его он сменил на Харьковской кафедре.

Время жизни этих гигантов науки и духа резко контрастирует с нашим бездуховным, хотя и технически продвинутым веком. Примечательно, что хотя митрополит Макарий и писал гусиным пером⁴, это не помешало ему создать монументальные богословские и исторические труды, которые по своим уникальным достоинствам стали непреходящим достоянием Православной Церкви.

Тем удивительнее, что именно в наше время, когда не видно ни одного богослова по своей учености и богословскому камертону равного вышеперечисленным мужам, в адрес этого замечательного труженика богословской науки стали раздаваться незаслуженные укоризны. Вспоминаются слова другого классика, уже не богословия, а литературы, видевшего сомнительную силу нападавших на слона в несопоставимости размеров противников.⁵

В сравнительно небольшом очерке невозможно коснуться всех граней богатейшей личности московского святителя, поэтому поставим более скромную задачу – разобрать «классические» для либерального богословия претензии в адрес митрополита Макария (Булгакова): обвинения в *богословской несамостоятельности, влиянию схоластики* на его трудов и их *догматической и исторической неточности*.

*Иван Андреевич Крылов
1769 - 1844*

⁴ Сохранилось описание рабочей обстановки святителя: «Архиепископ Макарий, аккуратный и точный во всем, больше всего любил чистоту и опрятность в обстановке, в которой жил. Единственным исключением был его рабочий кабинет, в котором он проводил большую часть времени. Преосвященный Макарий занимался всегда стоя у письменной горки, писал гусиным пером, которое часто погружал в чернильницу, стряхивал при этом в сторону, отчего пол и ковер всегда были забрызганы чернилами. Когда же ученый Архипастырь углублялся в размышление, то он быстро ходил по кабинету, отрывал от чего-нибудь кусочки бумаги и разбрасывал их по комнате. Весь кабинет, кроме того, был завален книгами. Преосвященный Макарий ежедневно получал множество газет, журналов и книг. Книги были в беспорядке разбросаны на столах и под столами, на диванах и под диванами. Но в порядок приводить их Архипастырь строго запрещал своим келейникам. «Пойми, брат, — говорил он в подобных случаях, — эта книга открыта, заломлена или заложена: это все мои заметки и ты меня путать не смей». Герасимов П. Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков Михаил Петрович; 1816-1882): Жизнь и богословская деятельность // CD «Классические системы русского догматического богословия. XIX век». СПб., Аксион эстин, 2006. С. 20

Учитывая объем составленных таким образом сочинений, нетрудно понять, что это был тяжелый и утомительный труд. «Больше писать не в силах, — замечает Макарий в письме к брату, — рука почти онемела от многого письма и не движется». Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. II. К., 1903. С. 353

⁵ Крылов И.А. Слон и моська (1808)

I. Фундаментальность и самостоятельность исследований.

Прежде, чем приступить к непосредственному богословскому разбору заявленных обвинений, хотелось бы сделать небольшое отступление.

В чем кроется секрет необыкновенно успешной богословско-литературной деятельности митрополита Макария? Сдается, что дело не только в его необычайном трудолюбии, строго установленной размеренности жизни, влиянию мудрейших и образованнейших людей своего времени. Из жизнеописания святителя нетрудно заметить, что особенно в первую половину его жизни «фортуна» явно покровительствовала ему в его учено-административной деятельности. Из собственной переписки митрополита Макария известно, сколь благоприятное впечатление произвел молодой иеромонах Макарий на ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии преосвященного Афанасия (Дроздова), который в самый вечер прибытия желанного гостя в течении пяти (!) часов испытывал образ его мыслей. Макарий писал: «Признаюсь, мои счастливые ответы в тот вечер, к которому я вовсе не готовился, отнюдь не зная, что мне придется преподавать здесь, ответы сии я почитаю особенным благодеянием благодеещего мне Промысла: ведь от них на первый раз зависело мое все»⁶.

Граф. Д.А. Толстой,
обер-прокурор Св. Синода
1865 - 1880

Дерзнем высказать свою догадку касательно одной из причин этого «везения». Для этого перелистнем несколько страниц его богатейшей биографии. В конце своего пребывания на Харьковской кафедре, 6 января 1867 года, преосвященный Макарий писал синодальному обер-прокурору графу Д.А. Толстому: «В 1841 году переходя из-за студенческой скамьи на кафедру бакалавра Киевской Духовной Академии, я дал себе следующий обет: *если Бог благословит мое намерение и труды*, то все деньги, какие будут следовать за мои сочинения, хранить неприкосновенными дотоле, пока из них не составит крупная сумма ... чтобы на проценты с нее учредить ежегодные премии для поощрения отечественных талантов, посвящающих себя делу науки и общепользным знаниям... Чувствуя постепенное ослабление физических сил и опасаясь, чтобы в случае моей смерти, особенно внезапной, не остался почему-либо неисполненным мой давний обет, я решил еще при жизни обеспечить его осуществление»⁷. Архиепископом Макарием

⁶ Церковный вестник, 1883, № 9. Макарий и далее относил свои успехи к особому Божию промыслу о себе: «Еще новым и особым благодеянием Господа считаю и то, что в тот день, когда посетил мой класс преосвященный ректор, лекция моя была как нарочно лучшая из всех... Ей, я отнес это к Богу и сильно-пламенно, по выходе из класса, Ему молился». Церковный вестник, 1883, № 9.

⁷ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. II. К., 1903. С. 361

жертвовалась огромная по тем временам сумма в 120 000 рублей, собранная из доходов от издания его сочинений, на проценты с которой устанавливались ежегодные пять премий его имени по различным областям богословских и светских наук: две полные по полторы тысячи рублей каждая и три неполные – по тысяче рублей каждая⁸.

Прот. Ф.Титов замечает: «Внимание всех особенно обращало на себя то обстоятельство, что для раздачи премий за ученые сочинения жертвовался капитал, собранный от продажи ученых же сочинений»⁹. Думается, что от Серцеведца Господа не укрылось это необыкновенное благородство тогда еще юной души, видимым знаменем чего и было благоустройство внешних обстоятельств.

Вообще, касаясь душевного склада митрополита Макария, в его характере ясно проявлялась одна черта, которая не могла не пленять окружающих ему людей – его исключительное *благородство*.

В «ведомости о поведении учеников Курской Духовной семинарии» Михаил Булгаков отмечен: «*благородного* и отлично ревностного поведения». Прот. Ф.Титов замечает: «Невольно обращается на себя внимание то обстоятельство, что подобная же отметка о поведении Михаила Бугакова нередко встречается и в ведомостях, которые представлялись обыкновенно инспекторами Киевской Духовной Академии митрополиту. И здесь мы часто встречаем указание на *благородство*, как на выдающуюся особенность в характере студента Михаила Булгакова. Значит, в характере последнего, действительно, была какая-то особенная черта, заставлявшая считать его именно *благородным*»¹⁰. Красноречивым выражением уважения к студенту семинарии Михаилу Булгакову может послужить тот факт, что некоторые наставники обращались к нему по имени и отчеству.

*Проф. прот. Феодор Титов
1864-1922*

⁸ Титов описывает те крайне стесненные условия, в которых находился Михаил Булгаков во время учебы в Белгородском училище, когда вместе с учениками семинарии и приходского училища в трех сравнительно небольших корпусах помещалось около 1200 человек. Здесь и во время ревизии было «весьма нечисто» в комнатах. «Неудивительно, — замечает исследователь, — если уже в это время в голове ребенка, жившего вместе с казеннокоштными учениками в самых неблагоприятных условиях и на каждом почти шагу встречавшего препятствия к удовлетворению своей детской любознательности, могли возникать мечты о возможно лучшем устройстве духовных школ, — мечты, нашедшие впоследствии прекраснейшее выражение для себя в известном обете отдавать все сбережения от доходов за литературные труды на пользу духовных школ и просвещения в России». Титов Ф., свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 17

⁹ Титов Ф., свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. II. К., 1903. С. 362

¹⁰ Титов Ф., свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 37. Архимандрит Димитрий (Муретов), вступивший в должность

Библиограф митрополита Макария прот. Ф. Титов справедливо замечает: «Сам неутомимый подвижник науки, своими всемирно известными трудами сделавший великий и ценный вклад в сокровищницу нашей богословской и церковно-исторической науки, он был в то же время самым доброжелательным и щедрым поощрителем научных трудов других деятелей, отличаясь удивительной ученой терпимостью к самим противникам своим»¹¹. Достаточно заметить, что именно митрополит Макарий выделил средства для издания трудов Е.Е. Голубинского, своего принципиального противника по идейному подходу к осмыслению церковной истории.

Евгений Евсигнеевич Голубинский
(1834 – 1912)

Эта же черта проявилась при прохождении архимандритом Макарием послушания цензора при Духовно-цензурном комитете – его гуманность в качестве цензора стала со временем общеизвестна. Проф. Ф. Титов замечает: «Мало того, что он серьезно и внимательно прочитывал все поручавшиеся ему сочинения и *снисходительно относился к авторским недосмотрам или несколько оригинальным мыслям их*, он, при своей любви быть точным и аккуратным во всем, никогда не задерживал поступавших к нему рукописей и разрешал их к печати без промедления»¹².

Один из питомцев Санкт-Петербургской Духовной Академии времен ректорства преосвященного Макария вспоминал: «Во все время его управления Академиею, мы не видели ничего, кроме самого искреннего, прямого и доброжелательного его отношения к нам – воспитанникам академии... На какие-нибудь подыскивания, на какие-нибудь разузнавания косвенными путями о студентах он не был способен по своему характеру... Более прямого, честного и откровенного начальника-педагога мы не встречали в нашей жизни»¹³.

инспектора Академии в 1838 г., характеризовал студента Михаила Булгакова как «постоянного, благоразумного в занятиях и поведении и *благородного в обхождении с другими*»; за апрель 1840 года он же рекомендовал его, как студента «*благородного, откровенного, занимающегося с усердием*».

¹¹ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 1

¹² Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 216

¹³ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 346-347. Эту прямоту и нелицеприятие Макарий сохранил и будучи епархиальным архиереем. При объезде Харьковской епархии, местное духовенство в первое время встречало своего архипастыря приветственными речами, которые отличались большею частью многословием и льстивым тоном. Преосвященный Макарий пресек эту традицию, дав 7 июля 1859 года харьковской духовной консистории следующее предложение: «Во время обозрения мною епархии, в минувшем июне месяце, некоторые священники, ни мало не предварив меня, произносили предо мною речи, содержавшие в себе, по обычаю, выражения лести. Предлагаю консистории объявить по епархии, чтобы впредь никто из священнослужителей не позволял себе говорить мне, при

По благородству своей души архимандрит Макарий исходатайствовал полную пенсию проф. Д.И. Ростиславову, по выходу его из стен академии. Этот, известный резкой независимостью своих убеждений и скупостью на похвальные отзывы о своих современниках и сослуживцах ученый, писал с благодарностью преосвященному Макарию 3 ноября 1852 года: «Ваше преосвященство! Я теперь уже не принадлежу к академии, не служу и не буду служить нигде, не имею и не могу иметь никаких видов впереди, потому мне нет нужды пред Вами лицемерить, нет никакой пользы льстить Вам; примите же мои слова, как слова человека совершенно свободного, независимого, не имеющего никаких надежд, ни на что не рассчитывающего, а желающего только высказать Вам свои чувства... Я при Вас, как начальнике, почти вовсе не служил, а Вам, как человеку, делал даже много неприятностей; только одна доброта вашего сердца, *одно благородство характера* могли Вас заставить действовать в мою пользу. Притом, мне кажется, только при Вас я и мог получить полную пенсию; только Ваше ходатайство пред высшим начальством могло дать такой благоприятный оборот моему делу; при Вашем предшественнике я, разумеется, не получил бы того, что теперь имею, хотя бы он и стал ходатайствовать»¹⁴.

Как же не хватает этого благородства характера современным критикам митрополита Макария!

Наконец, хотелось бы оттенить еще одну деталь. Прот. Ф. Титов описывает, как один весьма образованный английский миссионер, за два года до смерти митрополита Макария явившийся к нему в Москву за некоторыми советами и указаниями перед отправлением в среднюю Азию, уверял затем всех, что «он во всю свою жизнь не встречал еще такого светлого ума»¹⁵. Современники архипастыря восторгались равно как его глубочайшей образованностью, так и пастырской мудростью.

Однако проявились эти чрезвычайные умственные способности отнюдь не сразу. Подобно преподобному Сергию Радонежскому и святому праведному Иоанну Кронштадтскому в детстве Михаил Булгаков не отличался особенными способностями к наукам. Его болезненность (он страдал золотухой – вид современного диатеза) сопровождалась временным притуплением умственных дарований и особенно памяти. Ввиду плохих способностей уроки приходилось мальчику учить даже тогда, когда сверстники могли играть во дворе. От шума Михаил удалялся обычно с книжкой за сложенные на дворе дрова.

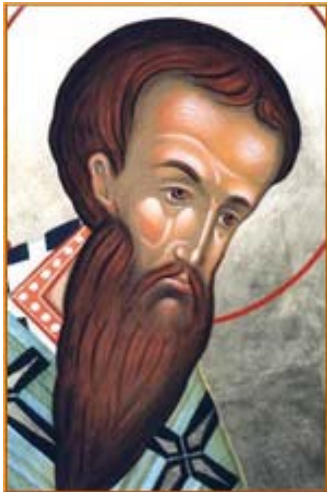
Однажды случайно брошенный камень перелетел через поленницу и попал в голову Михаила так, что глубоко рассек кожу и вызвал сильное кровотечение. Вопреки ожиданиям, потеря крови не усилила болезненность

обзоре епархии, никаких речей». Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1903. С. 225

¹⁴ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 328

¹⁵ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 2

мальчика. Напротив, с заживанием раны навсегда сошли все следы золотухи и мучительная болезнь оставила его навсегда. Хотя по физическому развитию Михаил продолжал отставать от товарищей, но это уже не мешало быстрому расцвету духовных и умственных сил при нажитом трудолюбии. Вскоре он занял первое место в классе. Впоследствии митрополит Макарий всегда был благодарен Божественному Провидению, испытавшему его в детстве посредством мучительной болезни: она послужила одним из самых сильных побуждений к постоянному трудолюбию.

Свт. Григорий Богослов

Однако, пора приступить к самому делу. Как писал святитель Григорий Богослов: «Но что нам до сего? — скажет, может быть, какой-нибудь через меру ревностный любитель праздников. Гони коня к цели — любомудрствуй о том, что относится к празднику, и для чего мы собрались ныне. — Так и сделаю, хотя начал нисколько отдаленно, к чему принужден усердием и словом»¹⁶. Рассмотрим обвинение митрополита Макария в богословской несамостоятельности.

Необходимо рассмотреть эту мнимую несамостоятельность с двух сторон: возможных заимствований из зарубежной литературы и влияния современных ему русских богословов.

Первая зависимость, на поверхностный взгляд, выглядит весьма вероятной, т.к. митрополит Макарий, как образованнейший человек своего времени, хорошо знавший, в отличие от подавляющего большинства его современных критиков, еврейский, латинский, греческий, французский языки, мог с легкостью пользоваться наработками современной ему зарубежной богословской науки. Хотя и тут стоит сделать серьезную оговорку: если это возможно было в отношении наук богословских, то по истории Русской Церкви, наипаче по истории русского раскола, к этому едва ли представлялась возможность.

Одна из величайших заслуг митрополита Макария в том и заключается, что он по сути был первопроходцем многих церковных дисциплин: истории Русской Церкви, расколоведения, канонического богословия, основного богословия. Изданные научные исследования в этих и других областях имели свою основу в курсах академических лекций, читанных молодым преподавателем, которые составлялись в кратчайшее время и на основании совершенно сырого материала.

Во время обучения иеромонаха Макария в стенах Киевской Духовной Академии, здесь не существовало самостоятельных кафедр для преподавания таких важнейших наук, как русская церковная и русская гражданская история. Обе эти науки входили в состав курсов общей церковной и общей гражданской

¹⁶ Св. Григорий Богослов. Слово 38. На Богоявление или на Рождество Спасителя.

истории, и на их преподавание в конце всего учебного курса просто недоставало времени, это делалось быстро и бегло. По распоряжению академического начальства, утвержденному Св. Синодом, молодой иеромонах Макарий сразу после окончания Академии должен был приступить к чтению этих курсов, фактически, без всякой серьезной на то подготовки. И в то время, как его товарищи предавались приятному и совершенно естественному отдыху после 16-летних неумолимых трудов, он должен был все летние каникулы 1841 года употребить на подготовку чтения лекций, которые он и начал с 1 сентября того же года. На основе этих обработанных лекций в 1846 году вышла в свет отдельная книга «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю Русской Церкви». Это было началом его знаменитой «Истории Русской Церкви», над которой святитель работал до самой своей кончины.

Прот. Ф. Титов отмечает: «Главная заслуга Макария, как автора «Истории христианства в России до равноапостольного Владимира» состояла в том, что он первым из русских ученых с достоинством прошел дотоле неизвестную область и *вполне самостоятельно* создал из сырого неразработанного материала прекрасное преддверие к великому зданию истории Русской Церкви»¹⁷.

«История Киевской Академии», увидевшая свет в 1843 году, хотя и составлялась под непосредственным руководством ректора Академии архимандрита Иннокентия (Борисова), однако также на совершенно сыром материале. Прот. Ф. Титов отмечает: «Макарий всесторонне и основательно изучил обширнейшую и при том совершенно неразработанную литературу своего предмета. Ему не только были известны все печатные произведения, в которых заключались хоть какие-либо сведения о Киевской Академии, но и обширный архивный материал был хорошо изучен им. Он видимо весьма тщательно пересмотрел академический архив, перечитал в нем не только более или менее важные для него дела, но даже все маленькие письма и записочки разных лиц, когда-либо случайно попавшие сюда: перебрал он также и всю наличную академическую библиотеку, прочитал и сличил как печатные, так и рукописные, большей частью латинские учебники, употреблявшиеся в старой Киевской Академии по разным предметам; разобрал он и воспользовался даже всеми заметками и надписями на библиотечных книгах для определения времени и места их происхождения и для других соображений. Другие киевские

¹⁷ Титов Ф., свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 108

книгохранилища, как, например, софийская и лаврская библиотеки, также были хорошо пересмотрены автором, причем он извлек из них все, что только нашел там интересным и необходимым для своей работы»¹⁸.

Сочинение дало автору степень магистра, а митрополит Московский Филарет писал: «Сочинение достойное внимания по обилию собранных сведений и по порядку изложения оных ... Хотя предмет сочинения не богословский, однако, касаясь суждением разных ученых предметов, сочинитель показывает себя достойным степени магистра»¹⁹.

Мы столь подробно остановились на описании трудов ученого, чтобы показать насколько необоснованы обвинения в несамостоятельности его трудов²⁰. Эту научную добросовестность митрополит Макарий сохранил до конца своей жизни, что и было залогом фундаментальности его исследований. Но заслуга исследователя не только в обширности приводимых материалов и фактов. Митрополит Макарий тщательно обдумывал и корректировал самый план своих исследований. П. Герасимов отмечает: «С 1843 года иеромонах Макарий преподавал основное богословие. На протяжении 1843/45 годов отец Макарий много думал над содержанием предмета и серьезно его переработал. Следующий курс получил название «Энциклопедии православного богословия». И наконец, он вышел в печать под названием «Введения в Православное богословие». Макарий имел своими предшественниками архимандрита Димитрия (Муретова) и архиепископа Иннокентия (Борисова). Однако лекции Муретова, как и Иннокентия, существенно отличаются от лекций Макария. Архимандрит Димитрий, во многих случаях почти буквально повторяя Иннокентия, очень кратко говорил о системе богословских наук, преподавая преимущественно обще-христианское основное богословие. В отличие от него архимандрит Макарий ставил перед собой цель написать именно «энциклопедию богословских наук» и дал введение именно в Православное Богословие. Окончательный курс был продуман и разработан архимандритом Макарием самостоятельно. Он был выработан в течение 4-х лет преподавания»²¹.

Насколько самостоятелен был исследователь в отношении плана сочинения, можно видеть из того факта, что трактат о Церкви Макарий оставил в

¹⁸ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 84-85

¹⁹ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 82-83

²⁰ Ниже будет показано, что это замечание относится не только к историческим, но и богословским сочинениям митрополита Макария.

²¹ Герасимов П. Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков Михаил Петрович; 1816-1882): Жизнь и богословская деятельность // CD «Классические системы русского догматического богословия. XIX век». СПб., Аксион эстин, 2006. С. 29

своей системе в первоначальном месте несмотря на самые категорические возражения против этого митрополита Филарета Московского²²!

Не явилось исключением в этом отношении и создание «Православного догматического богословия». Заметим, что это великое начинание церковного ученого было предпринято по воле его начальства. «Слышно, — писал 11 ноября 1847 года преосвященный Евсевий А.В. Горскому, — что о. Макарию нашему поручено на словах от митрополита написать Догматическое Богословие»²³. Из этой же переписки мы узнаем, что к составлению и напечатанию догматики архимандрита Макария побуждало и светское духовно-учебное начальство, вероятно, в лице обер-прокурора графа А.Н. Протасова и его помощника А.И. Карасевского, директора Духовно-учебного управления.

Проф. Ф. Титов после тщательного сличения программ по Догматическому богословию Иннокентий (Борисова), Димитрия (Муретова) и Макария (Булгакова) приходит к следующим выводам:

1. программа каждого из названных архипастырей имела свои существенные характеристические особенности;

2. замечаемое между ними сходство требовалось самим существом дела, т.е. общностью предмета;

3. что касается собственно взаимного отношения между программами Димитрия и Макария (архимандрит Димитрий был преподавателем Макария по Догматическому богословию – свящ. А. П.), то Макарий до конца оказался верен тем отступлениям от программы своего учителя, которые мы видели в самой первой программе Макария, по которой он преподавал догматическое богословие студентам XV курса Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1842/3 учебном году²⁴.

*Димитрий (Муретов),
архиепископ Херсонский
1811-1883*

²² Макарий, между тем, внимательно прислушивался к замечаниям этого мэтра отечественного богословия. Так, он учел его замечания при издании «Истории Киевской Академии», в «Православное догматическое богословие» под влиянием святителя Филарета были включены трактаты об истине бытия Божия, бытия и бессмертия человеческой души. Вообще, из показанной принципиальности митрополита Макария можно судить насколько несправедлива и неуместна оценка прот. Г. Флоровского: «У Макария нет собственных взглядов, — он более других объективен, потому что у него нет взглядов вообще. Это была объективность от равнодушия». Прот. Георгий Флоровский. Пути Русского Богословия. Вильнюс, 1991, с. 222. Примечательно, что даже эта уничижительная характеристика Флоровского выделяет характерную черту исследований митрополита Макария – их объективность. Прот. Георгий Флоровский признает также несомненную заслугу митрополита Макария в формировании устойчивого терминологического аппарата, столь необходимого для развития богословской науки.

²³ Творения Святых Отцов, 1886, кн. 2, с. 749

²⁴ Титов Ф., свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 194

Приведем отзывы на этот труд современников митрополита Макария, которые сами стояли на высоте современной науки и могли беспристрастно свидетельствовать о ее достоинствах.

От лица Академии Наук отзыв давал мэтр отечественной богословской науки святитель Иннокентий Херсонский. Он писал: «Рассматриваемое нами сочинение составляет собою редкое и самое отрадное явление в нашей богословской литературе, подобно коему она давно не видала на своем горизонте и, по всей вероятности, не скоро увидит опять... Самые иностранные богословские литературы, несмотря на их давнее развитие и вековые усовершенствования, не представляют, особенно в современности, творения с такими достоинствами, как православная догматика преосвященного Макария... После сего иностранный богослов никак не может сказать, что в Восточной Церкви привыкли верить в свои мнения безотчетно: ибо в новой православной догматике содержится такой отчет во всем, подобного коему доселе не представили большая часть церквей неправославных».

Сравнив разбираемое творение преосвященного Макария с лучшими современными иностранными догматиками – Перроне, Клее и Штауденмайера, великий русский святитель заключает: «Православно-догматическое богословие преосвященного Макария представляет а) труд совершеннейший из всех, какие являлись у нас доселе на том же поприще, и не только равняющийся по ученой обработке с лучшими современными иностранными опытами, но и не в малых отношениях их превосходящий; б) труд самостоятельный и оригинальный: потому что автор ни в системе, ни в методе, ни в способе изложения истин не следовал никакому из отечественных и иностранных богословов, а шел своим путем, глубоко обдуманном и верно предъизмеренным, черпал сведения из первых источников, из которых многие им собственно найдены и все им значительно обработаны, и таким образом при неутомимом труде воздвигнуто стройное и громадное целое, которое при всем желании подобных явлений, по всей вероятности, надолго останется единственным; в) труд, удовлетворяющий всем современным требованиям науки, по стройной системе и выводу всех частей и истин из одного начала, по глубокой и обширной учености автора, по господствующему историческому направлению, столь сродному богословию, как науки положительной, по отличной ясности и вразумительности в способе раскрытия истин, даже по слогу чисто русскому, постоянно носящему при том на себе печать здравого вкуса; г) труд, составляющий важную заслугу не только для науки православного богословия, которую автор несомненно продвинул весьма далеко вперед, — не только для духовного нашего образования, в истории которого появление на свет догматики его послужит некогда одной из замечательнейших эпох, — но вообще для всей Церкви Русской, для всех православных соотечественников, которые получают в этом труде — чего давно желали — возможно полное, стройное, основательное и общедоступное

изложение отличительных догматов своей Церкви, столь драгоценных для их ума и сердца»²⁵.

Примечательно, что преподавание догматического богословия преосвященный Макарий не оставил и во время своего ректорства в Академии. Эта замечательная традиция сохранялась еще достаточно долго в наших академиях, когда ректор высшего учебного заведения преподавал именно этот, по выражению некоторых академических наставников «опасный» предмет²⁶. Это давало необходимый кругозор и возможность самостоятельно судить о достоинстве лекций других преподавателей академии.

Преддверием к составлению этого монументального труда, за который митрополит Макарий получил полную Демидовскую премию²⁷ и особую царскую милость, стало исполнение другого поручения своего начальства –

*Свт. Димитрий Ростовский
1651 - 1709*

составление сборника догматического учения по руководству святителя Димитрия Ростовского. План этого сборника отражает в себе как план академических лекций по догматике, так и структуру самого Богословия. Сам Макарий пишет: «Признаюсь, сначала я хотел было сделать это дело как-нибудь, и в облегчение себе пороздал было по книге св. отца студентам для извлечения замечательных мест. И студенты сделали это лишь бы только отделаться. Когда же приступил я к работе, то решился исполнить благое предприятие получше, а потому, отбросивши тетради студенческие, принялся читать сам, и пока набрал мест на весь свой план, перечитал все творения святого до четырех раз»²⁸.

А святитель Димитрий Ростовский, в свою очередь, был выдающимся богословом²⁹. По объему проделанной работы его вполне можно сопоставить с митрополитом Макарием. Именно его богословие, непосредственно растворенное личной святостью и причастностью к святости всего христианского мира, стало тем корнем, из которого выростала могучая богословская система митрополита Макария. Примечательно, что во времена расцвета схоластики именно святитель Димитрий перерос эту ограниченность школьного курса, явив в себе дивную отрасль святоотеческой богословской науки.

²⁵ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 399-403

²⁶ Примечательно, что патриарх Московский и всея Руси Кирилл также являлся преподавателем догматического богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии.

²⁷ 1428 рублей

²⁸ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 154

²⁹ Петухов А., свящ. Жизнь и богословие святителя Димитрия Ростовского // CD «Святитель Димитрий Ростовский (1651-1709)». СПб., Аксион эстин, 2009

II. Обвинение в схоластике.

Иеромонах Макарий, будучи только начинающим преподавателем Киевской Академии, снискал себе славу глубокого и увлекательного лектора. В.И. Аскоченский, весьма критически и резко отзывающийся о многих своих сослуживцах по Киевской Академии, в то же время дает самый лестный отзыв о преподавательских способностях и деятельности иеромонаха Макария. «А вот послушайте, — пишет он в своем «дневнике», — молодого монаха Макария, — как хорошо, с каким энтузиазмом импровизирует он свои уроки из истории Русской Церкви. Послушайте, говорю, его все слушают»³⁰!

Прот. Ф. Титов приводит свидетельство одного из непосредственных слушателей лекций иеромонаха Макария: «Иеромонах Макарий говорил свои лекции всегда наизусть, хотя в то же время было заметно, что он весьма тщательно приготавливал их каждый раз дома. Произносил свои лекции Макарий громко, отчетливо, ясно и выразительно. Нередко он говорил в классе с таким воодушевлением и чистосердечным увлечением, что слушателям слова его казались живою импровизациею, как свидетельствует об этом и Аскоченский. Но в действительности это была не импровизация, а только хорошо обдуманная и прекрасно произносимая речь. Кроме того, лекции Макария всегда отличались многосодержательностью и потому возбуждали живой интерес в студентах, которые постоянно собирались в большом количестве в аудиторию молодого бакалавра»³¹.

*Виктор Ипатьевич Аскоченский
1820 - 1879*

Ученик преосвященного Макария, Рыбаков, так свидетельствует о лекциях Макария по догматике уже в сане ректора Петербургской Академии: «Речь его, проникнутая силою убеждения, лилась обильным потоком и производила на слушателей глубокое впечатление, тем более, что лекции преосвященного Макария всегда имели характер живой, увлекательной беседы, не нуждавшейся ни в каких тетрадях и записках»³². Профессор Ростиславов, утверждавший, что «между ректорами Санкт-Петербургской Духовной Академии его времени не легко было встретить хорошего профессора», считал преосвященного Макария «почетным исключением»³³. Тем странным звучит обвинение митрополита Макария в схоластике.

³⁰ Исторический вестник, т. VII, 1882, с. 336

³¹ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 113

³² Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 376

³³ Вестник Европы, 1872, № 9, с. 154

Святитель Иннокентий Херсонский, учитель Михаила Булгакова, будучи ректором Киевской Академии, одним из первых сделал серьезные шаги для отхода от схоластических форм преподавания. Он первым стал преподавать богословие на чистом, понятном русском языке. Именно он, так хорошо знакомый со схоластикой, оставил столь драгоценные замечания касательно достоинств изложения «Догматики» митрополита Макария: «Богословие, как наука, подвинута сим многоученым творением далеко вперед и много приобрело уже тем, что *разоблачено в нем совершенно от схоластики и латинского языка* и таким образом введено в круг русской литературы и предложено, так сказать, ко всеобщему употреблению для всех любителей богословских познаний...

К дальнейшему пояснению догматов, автор призывает на помощь и самую *историю их*, которая по важности своей давно составила из себя уже особую науку в иностранных литературах, а у нас оставалась в забвении, и дает в своей догматике место для беспристрастного взора здравого разума на догматы христианские, *удачно избегая при этом двух недостатков: направления рационалистического и схоластического...*

По самому изложению догматическое богословие преосвященного Макария отличается от всех предшествовавших ему сочинений в этом роде: *оно написано чистым, правильным, современным русским языком*, который может понимать каждый сколько-нибудь образованный и смыслящий русский человек; притом это сочинение изложено не столько в форме академического учебника, сколько в виде общенародного руководства, и потому *свободно от всех скучных и тяжелых форм схоластики*, почти неизбежных в кратких школьных учебниках. Автор, при его особенном даре выражаться о самых возвышенных предметах просто и ясно, умел достигнуть в своем сочинении высшей степени общепонятности. Со всей справедливостью можно сказать, что наука православно-догматического богословия, которая доселе, как наука, была исключительным достоянием школы, выведена автором из тесных стен ее в область действительной жизни и изложена для общественного употребления»³⁴.

Резким контрастом с вышеприведенным отзывом прозвучит позднее язвительное и обидное замечание Алексея Степановича Хомякова (1804-1860). Хомяков, оставивший после себя единственное серьезное богословское сочинение, «Церковь одна», опубликованное уже после его кончины в 1864 году, писал: «Стыдно, что богословие как наука так далеко отстала... Макарий провонял схоластикой... Я бы мог назвать его восхитительно-глупым... Стыдно будет, если иностранцы примут такую жалкую дребедень за выражение нашего православного богословия»³⁵. Читая эти слова, опять хочется вспомнить

³⁴ Титов Ф., свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 399-403

³⁵ А.С. Хомяков. Письмо к А.Н. Попову от 23 окт. 1848 г. // Полн. собр. соч. Т. 8, М. 1900. С. 188-189.

упомянутого ранее литературного классика³⁶. Сам по себе этот отзыв по своей очевидной нелепости не заслуживает внимания, но так как он часто тиражируется современным либеральным богословием, то остановимся на нем подробнее.

Первое, что сразу бросается в глаза, это *недопустимая резкость выражений*. Уже в самом этом факте содержится показатель неправильности суждения. Мы упоминали о редком цензорском такте и благородстве самого митрополита Макария. Св. Писание говорит: «Мудр ли и разумен кто из вас, докажи это на самом деле добрым поведением с мудрою *кротостью*. Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину. Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская, ибо где зависть и сварливость, там неустройство и все худое. Но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом *мирна, скромна, послушлива*, полна милосердия и добрых плодов, *беспристрастна и нелицемерна*. (Иак. 3, 14-17). Митрополит Макарий, страдавший по словам Хомякова «восхитительной глупостью» создал целый ряд фундаментальных сочинений, рекомендованных Св. Синодом в качестве учебных пособий для обучения православного юношества. Поэтому данное обличение неумолимо простирается и на Св. Синод, не рассмотревший эту «восхитительную глупость».

Эта характеристика резко контрастирует с многочисленными отзывами о митрополите Макарии, людей его лично знавших достаточно близко. Никанор, архиепископ Херсонский, так отзывался о нем: «Макарий был не только великий, а пока и беспримерный, по некоторым чертам, богослов»³⁷! С.А. Беляев отмечает: «Уже современники митрополита Макария обратили внимание на особенность его научной деятельности – на его удивительную способность излагать доступно и просто самый сложный и запутанный материал. Это достигается *ясностью мысли* автора и замечательным умением не только анализировать, но и систематизировать обширный материал»³⁸. Слова Хомякова отчасти связаны и с горделивым мнением о своем только что составленном богословском сочинении «Церковь одна». Исследователь творчества Хомякова И.И. Евлампиев дает меткую характеристику некоторых граней этой работы: «*Резкая критика католической церкви и католического догмата в трудах Хомякова не подкрепляется почти никакими реальными аргументами и*

³⁶ Мы не останавливаемся здесь подробно на «Критике догматического богословия» графа Л.Н. Толстого, написанного им после прочтения сочинений Хомякова, в которой он откровенно богохульно ругается над этим великим творением преосвященного Макария, а вместе с ним и над всем Преданием Церкви.

³⁷ Титов Ф., свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 418

³⁸ Беляев С.А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга первая. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. М., 1994. С. 33

выражает только внутреннюю религиозную страстность и бескомпромиссность автора»³⁹. Это качество, столь противоположное богословской и исторической фундаментальности сочинений митрополита Макария, при всем уважении к Алексею Степановичу нельзя назвать «восхитительною мудростью».

Преосвященный Никанор, продолжая свою характеристику «Догматики» митрополита Макария, делает очень ценное замечание: «Из качеств его капитального богословского труда отметим только одно, слишком редкое, никому из богословов в данной мере не принадлежавшее качество, — это *необыкновенную мерность и верность богословского взгляда*, необыкновенный дар найти и указать границу между положением богословским и не богословским, между догматическою богооткровенною истиной веры и положением человеческого, хотя и богословского, мнения, качество, — которое называли *необыкновенным чутьем Православия*... Филарет, Иннокентий и Иоанн Смоленский — те поэтичнее, выше и глубже Макария. Но Макарий беспримерен по полноте своей выработанной в определенных научных рамках и законченной богословской системы»⁴⁰.

Заметим, что сочинения А.С. Хомякова, не получившего регулярного богословского образования, не пропускались к изданию духовной цензурой в течение его жизни. Они были опубликованы уже после кончины этого видного представителя славянофильства. Признавая его заслуги в развитии учения о соборности Церкви, стоит заметить, что его богословский камертон вовсе не был столь безукоризнен, как у митрополита Макария. «Я позволяю себе, — пишет он в письме к Аксакову, — не соглашаться во *многих* случаях с так называемым мнением Церкви» (II, 328)». Неудивительно поэтому, что вскоре после смерти Хомякова газета «Московские ведомости» назвала его учителем ереси.

Целью настоящих рассуждений вовсе не является очернить память основателя славянофильства. В характере А.С. Хомякова можно увидеть немало ценных христианских качеств. Но его вышеприведенное суждение о митрополите Макарии положительно недопустимо.

³⁹ <http://www.philosoffine.ru/study-285-1.html>. Возможно, эта необыкновенная порывистость, переступающая иногда пороги дозволенного, передалась Хомякову от отца, проигравшего более миллиона рублей в карты в московском английском клубе. А вот фрагмент отзыва «Отечественных записок» на публикацию «Введения в Православное Богословие» архимандрита Макария: «Опровергая заблуждения иноверцев, автор избежал в этом, весьма щекотливом, деле обычной крайности пылкаго, фанатического предубеждения против западных церквей, что, как известно, особенно вредит правоте дела». Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 255.

⁴⁰ Черниговские епархиальные ведомости, 1882, № 15.

Неточность богословских воззрений самого Хомякова была замечена свящ. Павлом Флоренским. Эта неточность простиралась на важнейшее христианское

*Алексей Степанович Хомяков
1804 - 1860*

Таинство – Св. Евхаристию. Прот. В. Асмус пишет: «Корни новой теории⁴¹ не простираются дальше XIX века. Родоначальником ее является Хомяков, который в «Опыте катихизического изложения учения о Церкви» писал, что Церковь «не отвергает и слова *пресуществление*, но не приписывает ему того вещественного смысла, который приписан ему учителями падших церквей». В сочинении «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» Хомяков говорит уже по-другому: «Тот, кто видит в Евхаристии одно лишь воспоминание, равно как и тот, кто настаивает на слове

пресуществление или заменяет его словом *сосуществование*; другими словами, — и тот кто, так сказать, выпаривает таинство, и тот, кто обращает его в чудо чисто-вещественное, одинаково безчестят святую вечерю, приступая к ней с вопросами атомистической химии». Хомяковские воззрения получили достойную оценку у профессора Московской Духовной Академии священника Павла Флоренского, который пишет: «Итак, Церковь «не отвергает» слова «пресуществление», но «настаивать» на нем — это значить «безчестить тайную вечерю», «обращать ее в чудо чисто-вещественное», «приступать к ней с вопросами атомистической химии». *Странная логика!* Если настаивать на термине «пресуществление» есть не меньшее заблуждение, чем понимать Святую Евхаристию как *сосуществование* (т.е. по формуле *cum pane, in pane, sub pane*) или даже как простое воспоминание, т.е. впадать в явное нечестие, то каким образом Церковь может «не отвергать слова «пресуществление»?»

⁴¹ Некоторыми современными богословами в замен традиционного церковного учения о преложении-пресуществлении Св. Даров во время Литургии была предложена гипотеза о халкидонском восприятии непресуществленных хлеба и вина в Ипостась Бога-Слова. (См. Встреча, № 2 (23), с. 35-45). Ряд грубейших богословских ошибок, порожденные данного гипотезой (ошибочное определение ипостаси: ипостась – нечто самодвижное, а не очки или книга, которые называются экземпляром; хлеб и вино уже существуют до Литургии, а не получают свое существование в Ипостаси Бога-Слова; многоприродность Ипостаси Спасителя – божество, человечество, природа злака и вина) свидетельствуют о полной несостоятельности подобного богословского «открытия» и применения халкидонской терминологии для описания Таинства Евхаристии. Более подробный разбор данного заблуждения см. Заключение Синодальной Богословской комиссии по Совместному заявлению Православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006) <http://theolcom.ru/doc/071225/zbr.pdf>

Вообще, как может Церковь «не отвергать» того, настаивать на чем предосудительно? Явное дело, Она или совсем отвергает, обсуждаемый здесь термин, или, допустив его, тем самым позволяет держаться его, т.е. настаивать на нем, коль скоро окажется нужда в нем и без него нельзя будет заградить уста еретику. Но Хомякову хочется избежать определенности и просто замолчать термин, который в евхаристическом споре с протестанствующими столь же решителен и потому — неустраним, как термин «единосущный» — в тринитарном споре с арианствующими или термин «Богородица» — в споре с несторианствующими. «В Литургии нет этого слова», — замечает, протестанствуя, Хомяков. Но Хомякову ли неизвестно, что такая уловка недостойна его, ибо подобное же говорили, «не отвергая» термина «единосущный», и полуарианствующие, ссылаясь на несуществование его в Священном Писании. И, в довершение аналогии терминами: «единосущный» и «Богородица», равно как и термином «пресуществление» действительно пользовались еретики в своих целях, употребляя их огрубленно, чувственно. Но тем не менее Церковь их не только «не отвергла», но и положительно утвердила, ибо без них нельзя было сопротивляться размывающему церковный догмат потоку еретического лжеучения» (Флоренский, соч. т. 2, М. 1996, с. 300-301)⁴². Вот к чему может привести не в меру ревнивая борьба со «схоластикой»!

Свящ. Павел Флоренский
1882 - 1837

Примечательно, что Флоренский в своих рассуждениях проводит ту же мысль, которую с предельной ясностью высказывает митрополит Макарий в своем Богословии: «Св. Отцы и учителя Церкви также выражались, что в таинстве Евхаристии хлеб и вино прелагаются, изменяются, преобразуются, претворяются в тело и кровь Христовы. Слово *пресуществление*, выражающее совершенно ту же самую мысль, начало входить в употребление на Западе с половины XI века, а на Востоке с XV, когда встречается оно у Геннадия, константинопольского патриарха. С того времени слово это, как правильно и весьма сильно выражающее мысль догмата стало постоянно употребляться Православною Церковью наравне со словом *преложение*»⁴³.

⁴² Асмус В., прот. Тезисы о Евхаристии

⁴³ Макарий (Булгаков), митрополит. Православно-догматическое богословие. Т. II. СПб., 1883. С. 379

Подобное, хотя и не столь резкое, обвинение митрополита Макария в схоластике, мы видим и в отзыве Н.Н. Глубоковского. Он инкриминирует труду митрополита «схоластичность» с ее «априорной сухостью и книжной безжизненностью»⁴⁴. На сей счет замечательный ответ дал известный русский патролог А.И. Сидоров: «Причисление понятия «схоластика» к только

Прп. Иоанн Дамаскин

«ругательным словам», столь обычное для нашего православного обихода, весьма обедняет наше представление о христианской культуре. Ибо данное понятие может употребляться как со знаком плюс, так и со знаком минус. В положительном смысле «схоластика», с ее пафосом систематизации и архитектурной логической мысли, просто необходима на определенных этапах развития православного Богословия. К такого рода «схоластике» относится, например, знаменитое творение св. Иоанна Дамаскина «Источник знания» (особенно третья часть этой трилогии – «Точное изложение православной веры»).

Труд митрополита Макария во многом сравним с этим творением выдающегося отца Церкви⁴⁵. Заметим от себя, что первая часть «Источника знания» прп. Иоанна Дамаскина, «Философские главы», и вовсе выстроена на трудах Аристотеля. Почетное звание «Схоластика» носил создатель бессмертного аскетического творения «Лествицы» прп. Иоанн Лествичник⁴⁶. Хотелось бы пожелать подобной «схоластичности» всем критикам митрополита Макария, в отзывах которых иногда не наблюдается элементарной здоровой логики, не говоря уже о почтительном отношении к людям, несравненно их превосходящих⁴⁷.

⁴⁴ Глубоковский Н.Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 1992, с. 6-7

⁴⁵ Сидоров А.И. Классический труд по православному догматическому богословию // Предисловие к кн.: Митрополит Московский и Коломенский Макарий. Православно-догматическое богословие». М., 1999. С. IV.

⁴⁶ См. «Краткое описание жития аввы Иоанна, игумена святой горы Синайской, прозванного схоластиком поистине святого отца», предворяющее «Лествицу».

⁴⁷ Так, прот. Г. Флоровский, по отзывам современников отличавшийся весьма тяжелым характером, по выражению А.И. Сидорова «весьма дерзко и самонадеянно» возводит на митрополита Макария тяжелые обвинения: «В своих личных вкусах Макарий был скорее «светским» человеком, к вопросам «духовной жизни» он был именно равнодушен». Прот. Георгий Флоровский. Пути Русского Богословия. Вильнюс, 1991, с. 222. Один из близких знакомых митрополита Макария говорил: «По скромности и умеренности в образе жизни, по воздержанию в пище и питии святитель был образцом строгого инока и удивлял окружающих его скудостью, невзыскательностью своей трапезы». Титов, I, с. 65

III. Митрополит Макарий как выразитель Предания Православной Церкви.

Характерной чертой сочинений митрополита Макария (Булгакова) является их исключительная вероучительная чистота.

Вспомним еще раз удивительную по точности характеристику преосвященного Никанора: «Из качеств его капитального богословского труда отметим только одно, слишком редкое, никому из богословов в данной мере не принадлежавшее качество, — это *необыкновенную мерность и верность богословского взгляда*, необыкновенный дар найти и указать границу между положением богословским и не богословским, между догматической богооткровенною истиной веры и положением человеческого, хотя и богословского, мнения, качество, — которое называли *необыкновенным чутьем Православия*»⁴⁸.

Преосвященный Анатолий Мартыновский писал: «Слава и благодарение Богу, подавшему нам благодать изданием полного православного богатого догматического богословия, на чистом, достойном предмета, русском языке, отнять поношение от Русской Церкви, которую укоряли иноверцы, что она не имеет даже собственного, *не зараженного чуждыми православию мнениями, Богословия*»⁴⁹!

Свт. Иннокентий Херсонский
1800 - 1857

После публикации «Введения в Православное Богословие» «Отечественные записки» дали следующий отзыв: «Архимандрит Макарий установил на православное богословие свой собственный взгляд, какого доселе не имел еще ни один из наших богословов; в-частности, введением в свое сочинение трактата о *Церкви Православной, как единой хранительнице истинной веры*, он сделал то, что написал введение именно в православное богословие, а не в богословие христианское, или откровенное вообще»⁵⁰.

Преосвященный Иннокентий Херсонский в своем отзыве отмечает: «Самая большая заслуга автора состоит в том, что в сочинении его в первый раз изображены со всею силой и убедительностью, ученым и вместе удобопонятным языком, те догматы и положения, коими Православная Церковь Восточная отличается от всех прочих вероисповеданий христианских. После сего иностранный богослов никак не может сказать, что в Восточной

⁴⁸ Черниговские епархиальные ведомости, 1882, № 15.

⁴⁹ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 397

⁵⁰ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 255

Церкви привыкли верить в свои мнения безотчетно: ибо в новой православной догматике содержится такой отчет во всем, подобного коему доселе не представили большая часть церквей неправославных... Он с необыкновенной обстоятельностью старался раскрывать те догматы, которые составляют отличительный характер православного учения Восточной Церкви и отвергаются или извращаются в других христианских вероисповеданиях, как например учение о вечном происхождении Святого Духа от Бога Отца, о семи Таинствах Церкви, о почитании и призывании на помощь святых, о молитве за умерших и прочее»⁵¹.

Нужно заметить, что это необыкновенная точность богословской интуиции митрополита Макария явилась плодом, с одной стороны, необыкновенного трудолюбия, а с другой – личным подвигом жизни, воздержанием и смирением, что привлекало просвещающую благодать Св. Духа. Преосвященный Макарий честно искал истину, пересматривая порой, как это часто случалось и со святыми мужами, свои более ранние неточные взгляды. Из архива митрополита Макария сохранился любопытный документ – его семинарское сочинение на тему «Спасутся ли язычники, неверующие во Иисуса Христа»? Мы милостивно дарим критикам митрополита Макария некоторые мысли из этого юношеского сочинения, чтобы хоть чем-то им понравился наш замечательный русский богослов. Но вместе с тем, призываем их дочитать до конца наши сентенции.

Михаил Булгаков положительно решает поставленный вопрос. «Мысль о Боге, — говорит он, — благом, премудром и правосудном Боге, мысль о беспредельной силе и действии заслуг Христовых, мысль о непреложности обетований и звания Божия, — пусть эти три мысли будут для нас путеводными звездами – на сбивчивом неопределенном пути, на который мы вступили... Таким образом путеводные наши звезды – мысль о Боге, мысль о силе и действии заслуг Христовых, мысль о непреложности обетований и звания Божия – привели нас к желанной цели: вот перед нами мысль, что и язычники должны спастись»⁵².

Но каким образом возможно усвоение заслуг Христовых для язычников? Михаил Булгаков решает этот вопрос двояко: во-первых, через добрые дела язычников на земле, а, во-вторых, через посмертное существование и проповедь Христа и апостолов в аду⁵³.

А. «Вера – начало и основание доброго дела; доброе дело – воплощенная вера. И язычники имеют веру в своих богов, и верою как бы одушевляют свои добрые дела. Нравственность язычников не может равняться нравственности христианской, но все ж она может быть чиста, совершенна в своем роде. И вера

⁵¹ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 399, 401

⁵² Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 41-42

⁵³ Как тут не вспомнишь вещания некоторых современных богословов. См. архим. Рафаил (Карелин). О современном неогностицизме (ответ Зайцеву А.А.). <http://karelin-r.ru/newstrs/28/1.html>

язычников много отстоит от веры христиан. Но если язычник верует в своих богов от сердца по невольному естественному влечению, то и его вера имеет свою силу. *В лице своих истуканов он обожает Непостижимого. Стремясь к ним верую, он стремится к тому, к Кому сама природа влечет нас.* Итак, добрые дела язычников, проникнутые их верою, могут усваивать им заслуги всеобщего Ходатая, без сомнения, не столько, сколько добрые дела христиан, порожденные истинною верою. Потому-то Апостол говорит: Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему (Деян., 10, 35)...

Кто знает, может быть, и теперь между язычниками есть пророки, заслужившие своей доброй жизнью дары Св. Духа. Христианство не в слове, в деле. Не тот христианин, кто только носит это имя; но тот, кто живет по-христиански. Можно и благочестивого язычника назвать христианином, а худого христианина – язычником...

Каждое божество для язычника – только символ Спасителя, и *его вера, ложная вера в ложных богов, если только она проистекает из глубины души, в некотором смысле есть истинная вера в истинного Мессию (! – свящ. А.П.).* Он не знает по имени Иисуса Христа, не знает, как определить лицо (in concreto), но знает по делу (in abstracto), чувствует в нем нужду, и это сильное чувство выражает покорностью своим богам, а также своими жертвоприношениями»⁵⁴.

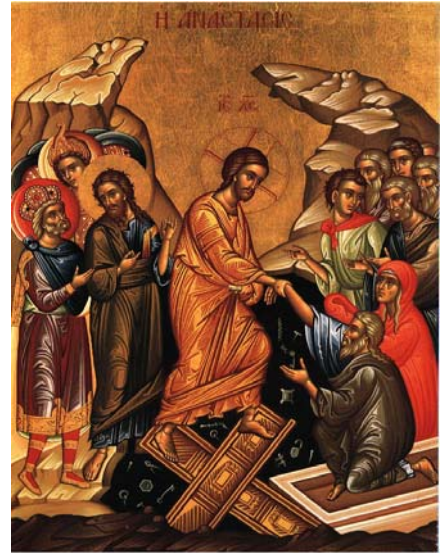
Б. Но еще более возможным признает Михаил Булгаков усвоение язычниками заслуг Иисуса Христа в будущей жизни. «И за гробом, — рассуждает он, — человек живет, — живет и действует, действует еще более, чем на земле. Здесь ум его скован и отягчен плотью: она не дает ему легко и свободно стремиться к истине. Там он совершенно свободен: ничто не стесняет его бесконечных порывов. Здесь свобода его, в беспрестанной борьбе со страстями, не успевает отражать их нападений, а о добре не имеет времени и заботиться. Там страсти уже не возмущают ее покоя и делание добра так беспрепятственно, удобно. Почему не допустить, чтобы язычник в вечности при таком удобном развили своего ума и воли узнал, наконец, Иисуса Христа и уверовал в Него»⁵⁵?

Словом, обращение язычников (разумеется, ко Христу) в вечности со стороны самих язычников автор находит возможным. „Но возможно ли оно, — спрашивает он, — и со стороны Бога»? Ответ на это – сошествие Иисуса Христа во ад!

⁵⁴ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 42-44

⁵⁵ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 44-45

«Победитель смерти и ада, Он сходил туда проповедать несчастным узникам свободу и спасение. И в какое время? В самые дорогие, торжественные свои минуты, едва только успевши окончить Свой великий подвиг на земле. Изнуренное страданиями тело Его еще лежит во гробе; на земле еще никто не знает Его торжества. Самые Апостолы сомневаются в Нем. Но Он как бы забывает на время о них и спешит в селения умерших. Там, верно, еще более нуждались в Его проповеди. На Земле только двенадцать Апостолов ожидали Его воскресения. А там, быть может, целые тысячи желали только увидеть Его, чтобы к Нему обратиться. Почему не предположить подобной проповеди и всегда? Почему не

Воскресение Христово

сказать, что Христос, проповедывавший Свою религию на земле, перешел в вечность, чтобы там вечно проповедывать её? И самые Апостолы, так много подвизавшиеся в приведении к Нему народов, не затем ли перешли и туда, чтобы и там продолжать свое апостольство, на которое они избраны однажды на всегда?... *Для того и мертвым было благовестуемо, — говорит Апостол, — чтобы они, подвергшись суду по человеку плотию, жили по Богу духом*" (Петр. 4, 6). Значит, и за гробом возможно для язычников покаяться, креститься во Иисуса Христа, исправить свою жизнь и усвоить себе Его заслуги. И кто поверит, чтобы Сократ, Платон и им подобные, до сих пор не были христианами? Чтобы Платон, так удачно изобразивший Избавителя человеков, не узнал своего великого праведника, и узнавши не повергся перед ним? И какой-нибудь Сократ, так усиленно искавший истины здесь, не отыскал её и там? Жить столько веков и действовать, действовать и не усовершиться, это что-то вовсе непонятное»⁵⁶.

Позднее, будучи уже маститым богословом, облеченным архиерейским саном, сам автор этих строк опровергнет их. Так, в § 159 «Нисшествование Иисуса Христа во ад и победа над адом» Догматики митрополита Макария читаем: «Он победил и разрушил ад, когда, упразднив смертью своею имущего державу смерти, сиречь диавола (Евр. 2,14), снисшел во ад с душою своею, яко Бог, чтобы благовестить пленникам адовым о спасении, и извел оттуда всех ветхозаветных праведников в светлые обители Отца небесного... Должно присовокупить, что *если некоторые из древних иногда выражали мысль, будто Христос вывел из ада не одних ветхозаветных праведников, а многих других или даже всех*

⁵⁶ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 45-46

пленников адовых, то выражали ее только в виде гадания, предположения, мнения частного»⁵⁷.

Свт. Димитрий Ростовский
1651 - 1709

Смотри также § 205. Необходимость крещения для всех; крещение младенцев; крещение кровию.

Прилично будет вспомнить, как непосредственно перед составлением своего Богословия архимандрит Макарий промыслительно составлял догматическую выдержку из творений святителя Димитрия Ростовского, выдающегося русского агиолога. У святителя Димитрия с несомненной ясностью выражено и традиционное учение об Искуплении как удовлетворении Божественному Правосудию, — учение, вошедшее во все официальные церковные вероучительные книги, повторенное последующими Отцами и Учителями Русской Церкви⁵⁸. Примечательно, что в последующей Догматике, составленной еп. Сильвестром (Малеванским), так и не ставшей, несмотря на многие свои замечательные достоинства официальным учебником Русской Православной Церкви по догматическому богословию, это учение затушевано и размыто⁵⁹.

⁵⁷ Митрополит Московский и Коломенский Макарий. *Православно-догматическое богословие*. М., 1999. С. 169, 173

⁵⁸ См. Петухов А., священник. *Жизнь и богословие святителя Димитрия Ростовского* // CD «Святитель Димитрий Ростовский (1651-1709)». СПб., Аксион эстин, 2009. С. 27-30

⁵⁹ Вот это определение: «Иисус Христос, несмотря на то, что был Сыном Божиим и человеком совершенно безгрешным и неповинным, добровольно пострадал и умер, с тем, чтобы, принеся Себя Богу в жертву за грехи всех людей, приобрести им помилование и прощение, после же смерти воскресши, вознесшись и сядши одесную Бога Отца, стать вечным из пред Ним ходатаем и предстателем». Еп. Сильвестр (Малеванский). *Опыт православного догматического богословия (с историческим изложением догматов)*. К., 1897. С. 173.

Еп. Сильвестр рассматривает Искупление в широком смысле, как дело *всей* жизни Спасителя: «Совершенное и *совершаемое* нашим Спасителем дело искупления людей настолько является великим и необъятным, что напрасно было бы пытаться обозреть его со всею полнотою и обстоятельностью». Там же. С. 116.

Примечательно, что к серьезной догматико-исследовательской деятельности, давшей нашей Церкви эту весьма полезную Догматику, преосвященный Сильвестр был подвигнут инспекцией Киевской Академии, проводимой митрополитом Макарием в 1874 году, и весьма нелестным отзывом, касающимся его профессорских способностей и познаний в области догматического богословия. См. Петухов А., священник. *Епископ Каневский Сильвестр (Малеванский)* // CD «Классические системы русского догматического богословия. XIX век». СПб., Аксион эстин, 2006. С. 3-4

На наш взгляд, именно эта необыкновенная вероучительная чистота и точность формулировок в творениях московского святителя так раздражает либерально настроенных богословов. А.И. Введенский уподоблял семинарский учебник митрополита Макария железному обручу, «которые сжимал и давил голову... до боли, до дурноты»⁶⁰. Труды митрополита Макария, действительно, можно уподобить стройному и необычайно устойчивому зданию, с которым современные либералы при всем своем желании ничего поделать не могут. Слишком авторитетны его труды и безукоризненна его жизнь. Остается только ругаться!

*Александр Иванович
Введенский 1856-1925*

Святитель Иннокентий Херсонский писал: «У преосвященного Макария каждый догмат обзревается и раскрывается со всех сторон, с каких он только может явиться с пользой в науке. Рассмотрение всегда открывается обстоятельным изложением о предмете *учения Церкви, как хранительницы Православия*, и автор, не ограничиваясь здесь приведением только главных пунктов этого учения касательно главных догматов, выставляет оное (первый) с отчетливостью касательно всех прочих, — даже в отношении к некоторым частным истинам. За изложением учения о Церкви, относительно каждого догмата всегда следует подтверждение его из Священного Писания, гораздо превосходнее, нежели у прежних догматистов, как относительно обилия текстов и выбора их, так в особенности относительно раскрытия и приложения к доказываемому предмету. Вслед за указанием на существования догматов в Священном Писании, всегда с подробностью приводится, как сии же самые догматы постоянно существовали в предании Церкви Вселенской, и являются целые ряды свидетелей сего предания — Отцы и Учители Церкви первых шести веков. За этим, к дальнейшему пояснению догматов, автор призывает на помощь и самую *историю их*, которая по важности своей давно составила из себя уже особую науку в иностранных литературах, а у нас оставалась в забвении, и дает в своей догматике место для беспристрастного взора здравого разума на догматы христианские, *удачно избегая при этом двух недостатков: направления рационалистического и схоластического*. И, наконец, нравственные выводы из догматов, какими заключается у автора каждая глава, везде являются в приличной полноте, проникнутые христианским чувством, и как зрелый и сочный плод заставляют желать изведать их собственным вкусом — на опыте»⁶¹.

⁶⁰ Введенский А.И. К вопросу о методологической реформе православной догматики // Богословский вестник, 1904, июнь, с. 180. Википедия, известный интернет-ресурс, определяет школу/традицию А.И. Введенского, как русское неокантианство.

⁶¹ Титов Ф, свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. I. К., 1895. С. 401

*Макарий (Булгаков),
архиепископ Литовский*

При таком подходе к делу понятно, насколько несерьезны обвинения митрополита Макария в католических заимствованиях. К этому нет решительно никаких оснований, ни в его богословских трудах, ни в его жизни. Вот, например, как писал Макарий, архиеп. Харьковский, о цели преподавания Богословия в светских учебных заведениях: «Христианство понимается и содержится различно разными обществами и церквами: доказать, что *правильно понимается и содержится оно только в Церкви Православной, которая потому и есть одна истинная*»⁶². А вот уже распоряжение Макария,

митрополита Литовского: «До сведения моего дошло, что в среде коренных прихожан Литовской епархии, даже в семействах священно-церковно-служительских, до настоящего времени есть еще лица, преимущественно женского пола, носящие имена латинских святых. Это допускалось во время унии. Но с воссоединением униатов с Православной Церковью, употребление имен латинских при крещении младенцев по православному обряду не должно иметь места... Подтвердить вновь строжайше духовенству, чтобы при крещении младенцев не были даваемы им латинские имена ни в каком случае»⁶³. А вот фрагмент из «Монастырских правил», изданных митрополитом Макарием на Литовской кафедре: «Настоятель также должен смотреть, чтобы в монастыре, по возможности, не было лиц римско-католического исповедания ни для каких монастырских служб»⁶⁴. И это при том, что большую часть паствы составляло население, воссоединившееся с Православной Церковью из унии!

Примечательно, что верность Церковному Преданию была путеводящим компасом для ученого и в его исторических трудах. Стремление увидеть в истории не нагромождение фактов, а действие Промысла Божия – характерная черта его исторических исследований. С.А. Беляев пишет: «На Руси был у митрополита Макария славный предшественник – митрополит Киевский Иларион, который в своем «Слове о Законе и Благодати» Русскую землю и события на ней происшедшие незадолго до произнесения им «Слова», уже рассматривал как проявление Промысла Божия о ней и милости Божией. Книга митрополита Макария по своему внутреннему делению, и по хронологии, т.е. по рассматриваемому времени, и по тому фактическому материалу, на котором она

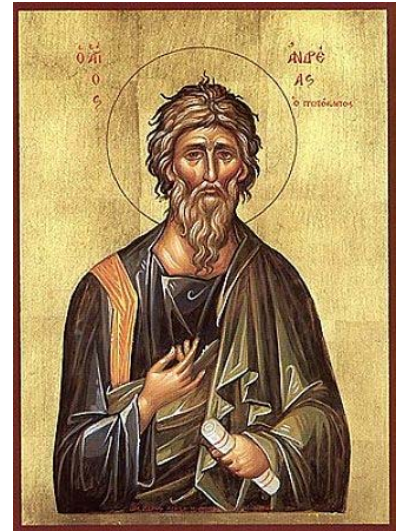
⁶² Титов Ф., свящ. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Историко-биографический очерк. Т. II. Тамбовский и Харьковский период жизни и деятельности м. Макария. (1857-1868 гг.). К., 1903. С. 345

⁶³ Титов Ф., прот. Московский митрополит Макарий Булгаков. Т. III. Литовский период в жизни митрополита Макария (1868-1879 гг.). К., 1915. С. 37

⁶⁴ Титов Ф., прот. Московский митрополит Макарий Булгаков. Т. III. Литовский период в жизни митрополита Макария (1868-1879 гг.). К., 1915. С. 145

построена, является продолжением дела митрополита Илариона, но только применительно уже к нашему времени»⁶⁵.

Митрополит Макарий уверенно и обоснованно подтверждает Предание о посещении апостолом Андреем Первозванным киевских и новгородских пределов, вопреки устоявшемуся мнению современной исторической науки. Проанализировав источники и историческую ситуацию, митрополит Макарий пришел к выводу, что посещение апостолом Андреем не только берегов Черного моря, но и пределов киевских и новгородских – исторически вполне реальное событие. «Как бы то ни было, — пишет историк, — только предание о благовестии святого апостола Андрея даже во внутренних областях нашего отечества не заключает в себе ничего невероятного, и нет оснований отвергать его безусловно или принимать за одну идею»⁶⁶.

Ап. Андрей Первозванный

С.А. Беляев упоминает об обширности литературы по данному вопросу, перечисляя труды Е.Е. Голубинского, В.Г. Васильевского, С.П. Петровского, В.В. Болотова, А. Седельникова, А.Л. Погодина, А.Г. Кузьмина, Л. Мюллера, И.С. Чичурова. «Общая тенденция, — замечает ученый, — преобладающая в современной литературе, — полное отрицание достоверности летописного сказания о посещении апостолом Андреем киевских и новгородских пределов, а по умолчанию, и северного Причерноморья, т.е. Боспорского царства, Херсонеса, Ольвии и других античных городов; иногда дело доходит до отрицания посещения апостолом Андреем и Византии, будущего Константинополя»⁶⁷.

Примечательно, что при этом практически не приводится никакой серьезной аргументации. Все приводимые рассуждения, сведены у Е.Е. Голубинского:

1. апостол Андрей посетил северный берег Черного моря, что дало повод летописцу продолжить его путь дальше на север до Киева, сделано это было для того, чтобы показать, что мы не хуже других;

2. такое путешествие невозможно, ибо во время апостола Андрея земля эта была совершенной пустыней;

⁶⁵ Беляев С.А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга первая. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. М., 1994. С. 35

⁶⁶ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга первая. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. М., 1994. С. 97

⁶⁷ Там же, с. 37-38

3. путь от новгородских пределов в Рим невероятен, он основан на невежестве автора и рассчитан на невежество читателей.

С.А. Беляев в своей работе убедительно показывает, как современная археология опровергает точку зрения Е.Е. Голубинского, подтверждая позицию митрополита Макария. Вообще, путешествие апостолов не было увлекательным круизом на современном автомобиле, оснащенным навигатором. Оно преследовало совсем иные цели – распространению христианского благовестия по всему лицу земли. Св. Писание говорит нам о непостижимости судеб Божиих. «Дойдя до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но *Дух не допустил их*. Миновав же Мисию, сошли они в Троаду. И было ночью видение Павлу: предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря: *приди в Македонию и помоги нам*. После сего видения, тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что *призывал нас Господь благовествовать там*» (Деян. 16, 7-10).

Мч. Авраамий Болгарский

Церковная история и агиография приводит немало примеров, когда божественная благодать и евангельская проповедь достигала самых глухих и закрытых для благовестия областей, если в ней находились люди, способные ее воспринять. Достаточно упомянуть жизнеописания прп. Прокопия Великоустюжского, св. Авраамия Болгарского, св. Петра, царевича Ордынского. Поэтому правильнее, скорее, говорить не о невежестве автора и читателей, а о неверии Е.Е. Голубинского во всемогущий Промысел Божий. Это принципиальная разница во взглядах на осмысление церковной истории особенно рельефно подчеркивает благородство души митрополита Макария, выделившего средства на издание трудов Е.Е. Голубинского!

Верность церковному Преданию, равно как и глубочайшая научная эрудиция и беспристрастие – характерные черты исследований митрополита Макария во всех областях церковного знания. С.А. Беляев отмечает: «Прошло около 130 лет после последнего издания книги митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) «История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира как Введение в историю Русской Церкви». Книга стала библиографической редкостью. Но ценность ее не только в этом, а прежде всего в том, что, несмотря на большой – по человеческим меркам – отрезок времени, прошедший после последнего издания, не появилось ни одного труда на эту тему, о котором можно было бы сказать, что он заменил книгу митрополита Макария. Не умаляя значения соответствующих разделов в трудах Е.Е. Голубинского, А.В. Карташева и ряда других изданий по истории Русской Церкви, а также многочисленных статей, появившихся за минувшие 130

лет, следует подчеркнуть, что *они все вместе не могут заменить творения митрополита Макария*⁶⁸.

Эта же характеристика вполне приложима практически ко всем исследованиям митрополита Макария, по той причине, что они основаны на несокрушимом камне Церковного Предания, а не на изменчивой и малоубедительной премудрости века сего.

Заключение.

Завершая наш небольшой очерк, хотелось бы поделиться собственным наблюдением. Труды митрополита Макария (Булгакова), а точнее отношение к ним, стали пробным камнем и лакмусовой бумагой для определения богословских взглядов того или иного церковного исследователя.

Тот, кто тяготеет к опоре на святоотеческую мысль в ее соборном проявлении, для кого дорога Православная Церковь и ее учение, не могут не оценить творений этого титана русской богословской науки, не чувствовать симпатий к его исключительно благородной личности. Те же богословы, которые мнят себя новыми колумбами и пускаются в море теологии без всяких навигационных приборов, уповая лишь на собственную сообразительность и интуицию, хотя бы и растворенные немалой эрудицией, с пренебрежением, равно как с открытой или глухой неприязнью относятся как к сочинениям московского святителя, так и к его личности. Но история все расставляет на свои места.

Один из младших современников преосвященного Макария, А. Рождественский, спустя более двух десятков лет после его кончины писал: «Это был неутомимый подвижник науки, своими замечательными трудами внесший великий и ценный вклад в сокровищницу русского православного богословия и церковной истории и в то же время самый доброжелательный и щедрый поощритель научных трудов других деятелей. Его «Богословие» есть до сих пор лучшая и самая полная система вероучения всего Православного Востока, на котором вот уже в течение 50 лет непрерывно воспитывается все духовное юношество нашего Отечества. Его «История Русской Церкви» представляет собой памятник не только научный, но и художественный, которому и доселе удивляются все лучшие историки. Ни один русский ученый, занимающийся в области Православного Богословия, не может обойтись без богословских и церковно-исторических трудов митрополита Макария»⁶⁹.

⁶⁸ Беляев С.А. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга первая. История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. М., 1994. С. 33

⁶⁹ Рождественский А. Макарий (Булгаков), митрополит Московский: (По воспоминаниям его письмоводителя) // Странник, 1909, № 5-6. С. 705.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**